

О войне и революции. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О войне и революции. Максим Горький

Московский извозчик: шерстяная безглазая рожа; лошадь у него – помесь верблюда и овцы. На голове извозчика мятая, рваная шапка, синий кафтан под мышками тоже разорван, из дыры валяного сапога высунулся – дразнит грязный кусок онучи. Можно думать, что человек этот украсил себя лохмотьями нарочито, напоказ:

"Глядите, до чего я есть бедный!"

Он сидит на козлах боком, крестится на все церкви и ленивенько рассказывает о дороговизне жизни, не жалуется, а просто рассказывает сиповатым голосом.

Спрашиваю его: что он думает о войне?

– Нам – что думать? Царь воюет, ему и думать.

– Газеты – читаете?

– Мы – не читающие. Иной раз в чайной послушаешь: отступили, наступили. Газета – что? У нас в деревне мужик один врёт много, так его зовут – Газета.

Он чешет кнутовищем под мышкой и спрашивает:

– Бьёт нас немец?

– Бьёт.

– А у кого народу больше: у нас али у него?

– У нас.

Помахивая кнутом над шершавым крупом лошади, он философски спокойно говорит:

– Вот видишь: в воде масло не тонет...

Парикмахер, брея зелёного таможенного чиновника, уверенно говорит:

– Ко-онечно, немцы вздуют нас, они нас всегда били...

Чиновник возражает: нет, били и мы их, например – при императрице Елизавете нами даже Берлин был взят.

– Не слыхал, – говорит парикмахер. – Хоша сам – солдат, но про этот случай – не слыхал!

И – догадывается:

– Может, это для утешения нашего выдуманно, чтобы дух поднять?

А в прошлом году, после объявления войны, этот парикмахер рассказывал мне, как он стоял на коленях перед Зимним дворцом и, обливаясь слезами, пел "Боже царя храни".

– Душа пела в этот час великой радости...

В саду, против Народного дома, группа разнообразных людей слушает бойкую речь маленького солдата. Голова его забинтована, светлые глазки вдохновенно блестят, он хватает людей руками, заботясь, чтоб его слушали внимательно, и высоким тенорком сеет слова:

– Фактически – мы, конечно, сильнее, а во всём остальном нам против них – не устоять! Немец воюет с расчётом, он солдата бережно тратит, а у нас – ура! И вали в котёл всю крупу сразу...

Большой, крепкий мужик, в рваной поддёвке, говорит веско и басовито:

- У нас, слава богу, людей даже девать некуда; у нас другой расчёт: сделать так, чтоб просторнее жилось.

Сказал и смачно зевнул. Хотелось бы слышать в его словах иронию, но лицо у него каменное, глаза спокойно-сонны. Серенький, мятый человечек вторит ему:

- Верно! Для того и война: или землю чужую захватить, или народу убавить.

А солдат продолжает:

- К тому же сделана ошибка: отдали Польшу полякам, они и разбежались, те - к ним, эти - к нам, ну и путаются: своему своего неохота бить...

Большой мужик убеждённо и спокойно говорит:

- Заставят - будут! Было бы кому заставить, а бить - будут. Народ драться любит...

И вообще об этой гнусной, позорной бойне "обыватели" говорят как о событии совершенно чуждом им, говорят, как зрители, часто даже со злорадством, но - я не понимаю: куда, на кого направлено это злорадство? Совсем не заметно, чтоб критика "власти" усиливалась и отрицательное отношение к ней росло. Развивается отвратительный, мещанский анархизм.

Сопоставляя его с мнениями рабочих, ясно видишь, насколько неизмеримо выше развито у последних понимание трагизма событий и даже чувство "государственности" или, точнее, человечности. Это заметно даже у "неорганизованных", не говоря уже о партиях, как, например, П.А.Скороходов. На днях он рассуждал:

- Как класс - мы от военного погрома выиграем, и это, конечно, главное. А всё-таки душа - болит! Стыдно, что воюем. И так жалко народ сказать не могу. Ведь подумайте, гибнут самые здоровые люди, а им завтра работать. Революция потребует себе самых здоровых... Хватит ли нас?

Хорошо понимает значение культуры:

- Это глупо - говорить, что культура буржуазна и мне вредна. Культура - наша, законное наше дело и наследство. Мы сами разберём, что лишнее и вредное, сами и отбросим. Сначала надо поглядеть, что чего стоит. Кроме нас, никто не смеет распоряжаться. Недавно у нас, на Сампсониевском, один мил друг часа полтора культуру уничтожал, я думал: человек этот хочет доказать мне, что лапоть лучше сапога. Учителя, тоже! Уши рвать надо таким...

Профессор З., бактериолог, рассказал мне:

- Однажды, в присутствии генерала Б., я сказал, что хорошо бы иметь обезьян для некоторых моих опытов. Генерал серьёзно спросил:

- "А - жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их всё равно повешу, берите жида!"

- И, не дожидаясь моего ответа, он послал офицера узнать: сколько имеется шпионов, обречённых на виселицу? Я стал доказывать его превосходительству, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, вытаращив глаза:

- "Но ведь люди всё-таки умнее обезьян; ведь если вы впрыснете человеку какой-нибудь яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна - не скажет!"

- Возвратился офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет ни одного еврея, все цыгане и румыны.

- "И цыгане - не годятся? - спросил генерал. - Жаль!.."

Вспоминая о евреях, чувствуешь себя опозоренным.

О войне и революции. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Хотя лично я, за всю жизнь мою, вероятно, не сделал ничего плохого людям этой изумительно стойкой расы, а всё-таки при встрече с евреем тотчас вспоминаешь о племенном родстве своём с изуверской сектой антисемитов и – о своей ответственности за идиотизм соплеменников.

Я честно и внимательно прочитал кучу книг, которые пытаются обосновать юдофобство. Это очень тяжёлая и даже отвратительная обязанность – читать книги, написанные с определённо грязной целью: опорочить народ, целый народ! Изумительная задача. В этих книгах я ничего не нашёл, кроме моральной безграмотности, злого визга, звериного рычания и завистливого скрежета зубов. Так вооружась, можно доказывать, что славяне да и все другие народы тоже неисправимо порочны.

А не потому ли ненавидят евреев, что они, среди других племён мешанной крови, являются племенем, которое – сравнительно – наиболее сохранило чистоту лица и духа? Не больше ли "человека" в семите, чем в антисемите?

Постыдному делу распространения антисемитизма в массах весьма сильно способствуют сочинители и рассказчики "еврейских" анекдотов.

Странно, что среди них нередко встречаешь евреев. Может быть, некоторые из них хотят показать, как хорош печальный юмор еврейства... и этим надеются возбудить симпатию к своему народу у врагов его? Может быть, другие анекдотисты желали бы – показывая еврея смешным – убедить идиотов, что он вовсе "не страшен"? Но разумеется – среди них есть выродки и негодяи народа своего.

Таких "анекдотистов" было, мне кажется, особенно много в восьмидесятых годах. Весьма славился Вейнберг-Пушкин, говорили, что он брат П.И.Вейнберга – "Гейне из Тамбова", отличного переводчика Генриха Гейне. Этот Вейнберг-Пушкин даже издал книжку или две очень глупых и бездарных "Еврейских анекдотов" или "Сцен из быта евреев". Мне нравилось слушать его рассказы, – рассказчик он был искусный, – и я ходил в Панаевский сад в Казани, где Вейнберг выступал на открытой эстраде. В то время я был булочником.

Однажды я пошёл туда с маленьким студентом Грейманом, очень милым человеком; он потом застрелился. Меня очень смешили шуточки Вейнберга, но вдруг рядом со мною я услышал хрипение, то самое, которое издаёт человек, когда его душат, схватив за горло. Я оглянулся – лицо Греймана, освещённое луною и красными фонарями эстрады, было неестественно: серо-зелёное, странно вытянутое, оно всё дрожало, казалось, что и зубы дрожали, – рот юноши был открыт, а глаза влажны и, казалось, налиты кровью. Грейман хрипел:

– Сволоч-чь... о, с-сволочь...

И, вытянув руку, поднимал свой маленький кулачок так медленно, как будто это была двухпудовая тяжесть.

Я перестал смеяться, а Грейман круто повернулся, нагнул голову и ушёл, точно бодая толпу зрителей. Я тоже тотчас ушёл, но не за ним, а в сторону от него и долго ходил по улицам, видя пред собою искажённое лицо человека, которого пытаются, и хорошо поняв, что я принимал весёлое участие в этой пытке.

Разумеется, я не забыл, что люди делают множество разнообразных гадостей друг другу, но антисемитизм всё-таки я считаю гнуснейшей из всех.

Горит здание окружного суда.

Уже провалилась крыша, внутри стен храпит огонь, жёлто-красная вата его лезет из окон, вскидывая в чёрное небо ночи бумажный пепел. Пожар не гасят.

Бешенством огня любятся человек тридцать зрителей. Чёрными птицами они стоят у старинных музейных пушек оружейного завода, сидят на длинных хоботах. В хоботах этих есть что-то глупое и любопытствующее; все они уклончиво, косо вытянуты в сторону Государственной думы, где кипит жизнь, куда свозят на автомобилях и везут арестованных генералов, министров, куда тёмными кучами торопливо идут и бегут люди.

Молодой голос звонко кричит:

- Товарищи! Кто хлеба кусок обронил?

Около пушек ходит, как часовой, высокий, сутулый человек в бараньей, мохнатой шапке, лицо его закрыто приподнятым воротником овчинной шубы. Остановился, глухо спрашивает кого-то:

- Что же, значит решено судимость похерить? Наказания - отменяются, что ли?

Ему не отвечают. Ночь холодна. Скорченные фигуры жителей недвижимо, очарованно смотрят на огромный костёр в камнях стен. Огонь освещает серые лица, отражается в неживых глазах. Люди на пушках какие-то мятые, трёпанные, удивительно ненужные в эту ночь поворота России на новый, ещё более трудный, героический путь.

- Я говорю: преступники-то как же? Судов не будет, что ли?

Кто-то отвечает негромко, насмешливо:

- Не бойся, не обидят тебя, осудят.

И лениво тянется странная беседа ночных, ненужных людей:

- Судить - будут.

- Кто это поджёт?

- Судимые, конечно. Воры.

- Им - выгода...

- Вот такие, как этот...

Человек в мохнатой шапке говорит строго и громко:

- Я - не судимый, не вор, а суду этому сторож. Никого нет, а я - тут!

Сплюнув под ноги себе, он долго, тщательно шаркает по камню панели тяжёлой, кожаной галошей, растирая плевков, потом говорит:

- Я сомневаюсь: ежели решено простить всех, так это - рано. Сначала уничтожить надо всю преступность. Бумагу жечь, дома жечь - пустяки! Преступников искоренить надо сначала, а то опять начнём бумаги писать, суды, тюрьмы строить. Я говорю: сразу надо искоренить весь вред... Всю старинку.

Тряхнув головой, он добавил:

- Я вот пойду, скажу им, как надо...

Круто повернулся и пошёл по Шпалерной, к Думе; люди проводили его неясной, насмешливой воркотнёй, один из них засмеялся и стал кашлять бухающими звуками.

Этот человек был первый, который решительно выдвинул не от разума, а, видимо, от инстинкта своего лозунг:

- Надо всё искоренить.

Теперь, летом, речи на эту тему звучат всё твёрже и чаще.

Вчера, после митинга в Народном доме, бородатый солдат воодушевлённо, заикаясь и глотая слова, размышлял пред толпою человек в полсотни:

- Они чего говорят? Они опять то самое, через что погибаем. Нет, братья, дадимтя им всего; натя, пейтя, ештя, разговаривайтя промеж себя, а нам, народу, не мешайтя! Мы - сами. Мы, значит, положили выполоть всю сор-траву вашу, мы желам выкорчевать все пенья, коренья - во-от! Так ли?

Люди десятками голосов утвердили:

О войне и революции. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Так. Верно.

- То-то. Им надо прямо сказать: отходи, господа, в сторону, не путай, не мешай. Пей, ешь, а нас - не тронь. Они говорят: опять наступай, опять вой. Не-ет, братья, мы уж наступили друг дружке на животы, не-ет! Так ли?

Толпа почти единогласно согласилась:

- Так.

Заявления о необходимости коренной - социальной - революции раздаются всё громче, идут от массы. В массе возникает воля к самостоятельности, к жизни активной. Эта воля должна организовать её, сделать политически зрелой.

"Вождем" не верят. На днях в цирке "Модерн" молодой парень, видимо шофёр, ловко играл созвучными словами "вожди" и "вожи" - человек двести слушало его и одобряло смехом.

И с каждым днём жизнь принимает всё более серьёзный, строгий характер: всюду чувствуется напряжение её сил...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!